

Андрей Белый

КРЕЩЁНЫЙ КИТАЕЦ

Москва
T8RUGRAM
2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Крещённый китаец / А. Белый. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 200 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77944-4

Андрей Белый (1880–1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Крещённый китаец» — второй из серии автобиографических романов А. Белого. Необычные художественные образы, проявленные из детской памяти писателя — главного героя, нервного мальчика с богатым воображением, а также затронутые в книге темы творчества и Творца, перевоплощения, развития и Рая надолго запомнятся каждому читателю.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77944-4

© Т8RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

КАБИНЕТИК.....	5
ПАПОЧКА.....	19
«ЭДАКОЕ ТАКОЕ СВОЕ»	33
БАБУШКА, ТЕТЕЧКА, ДЯДЕЧКА.....	51
РУЛАДА	67
МАМОЧКА	85
МИХАЙЛЫ.....	95
АГУРО-МАЗДАО	109
ПАПА ДОШЕЛ ДО ГВОЗДЯ.....	121
СКИФ.....	131
ПФУКИНСТВО	135
ВЕСНА.....	157
СПУТНИК	165
ОМ.....	185
КРАСНЫЙ АНИС	191

КАБИНЕТИК

У окон: — протертый, профессорский стол с очень выцветшим серо-зеленым сукном, проседающий кучками книг; здесь пузато уселась большая чернильница; падали: карандаши, карандашники, циркули, транспортиры, резиночки; лампа: зеленый металл прочернился, а абажур — лепестился; валялись листочки и письма с французскими, русскими, шведскими, американскими марками, пачки повесток, разорванных бандеролей, нераспечатанных и неразрезанных книжечек, книжек и книжищ от Ланга, Готье и других; составлялись огромные груды, грозящие частым обвалом, переносимые на пол, под стол и на окна, откуда они поднимались все выше, туша дневной свет и бросая угрюмые сумерки на пол, чтобы отдаться на полки и полочки или подпрыгнуть на шкаф, очень туго набитый коричневыми переплетами и посыпать густо сеемой пылью обои потертого шоколадного цвета и — серого папочку; в серой своей разлеталке посиживал он, скрипя стулом и уронивши в сукно вычисляющий нос, — где с надсадой вышептывал он:

— Эн, эм, эс! — принимаясь чинить карандашник; отсюда в пыли, в паутине и в листиках рассылал шепоточки и письма свои Миттах-Лефлеру, Пуанкаре или Клейну и прочим, — ожесточаясь и умоляя Дуняшу и маму оставить в покое бумаги:

— Не путайте, знаете, мне...

— Да ведь пыль, барин, — видите...

— Нет уж, оставьте: бумажечка каждая, знаете ли, — документ: переложите — ничего не найдешь...

Он отсюда вставал; и рассеянно шел коридором, столовой; и попадал он в гостиную; остановившись пред зеркалом, точно не видя себя, он стоял и вычерчивал пальцем по воздуху знаки; случайно увидев себя пред собой, он впивался в себя самого очень зверски, поставив два пальца себе под очки; и не мог оторваться, не мог оторваться от пренелепо построенной головы, полновесной, давящей и плющащей папу и созерцающей из-под стекол очков глубоко приседавшими, малыми, очень раскосыми глазками, тупо расставленным носом; он гладил тогда полнощечкое это лицо полнотелой рукой; повернувшись, старался увидеть свой собственный профиль, крутой, кудробрадый, казавшийся зверским; смешной он такой: — да — домашний пиджак укорочен; кончается выше жилета; пиджак широчайше надут; панталоны оттянуты; водит плечами, переправляя подтяжки; подтянет — опустятся; в этом своем пиджаке, как в мешке, может смело вращаться — направо, налево; и кажется косо надетым пиджак; и от этого — что-то раскосое в папочке; он закосил пиджаком; очень часто он скашивал руки; и ногу он ставил на пол тяжелее, чем следует.

Помню, бывало, — стоит он таким голованом, засунувши руку в жесткую бороду — пальцами и приподнявши на лоб жестяные очки, наклонив набок лоб со свирепую, лоб перерезавшей складкою, точно решаясь на страшное дело; рукой барабанит по двери; и — туловище перевернулося животом как-то наискось от плечей; ноги тоже поставлены косо; такой он тяжелый и грузный от этого

перемещенья осей; — он стоит: — тарарахая пальцами в дверь, свирепеет; и — шепчется, шепчется, шепчется; страшно мне, страшно: какое-то есть тут «свое».

— Ах, да что вы такое — окликнет его проходящая мама с ключами; идет она в шкаф — за корсажем, малиновым, плюшевым; и — за такою же юбкою.

Папочка тут переменится; высунет голову и поморгает на мамочку робкими глазками, будто накрыли его:

— Ах, да я-с?

— Ничего себе...

— Так-с!

Барабанит ногами себе в кабинетик, какой-то косой:

— Да, идите себе!

— Вычисляйте!

Споткнется словами, рассеянно повернув и благодушно-рассеянный, песий какой-то свой лик, и посмотрит надглазьем приподнятых стекол.

— Да я уж и так, мой Лизок... вычисляю...

А мама улыбкой укажет:

— Чудак.

И, позванивая хлопотливо ключами, идет за малиновым, плюшевым, бальным корсажем, за плюшевой юбкою; кружево — черное; нет рукавов; на груди — большой вырез; она голорукая и гологрудая, густо напудрив головку и в волосы вставив эгретку, — седая какая-то — едет плясать и кружиться в огромном гран-роне.

А папа опять припадет вычислять над давно выцветавшим серозеленым сукном, выпивая чернила чернильницы — в листиках, карандашах, карандашиках, транспортирах и книжищах: развычисляется, размахается,

вскочит, забегает в паутинниках, все сотрясая; подпрыгнет он с выщептом — «Эн, эм, эс: ах!» — натолкнувшись на книжную грудку:

— Сломал: фу ты, дьявольщина!

Сосредоточенно принимается вдруг очинять карандашик, стараясь его острие превратить просто в точку: тогда наступает молчание; после опять поднимаются охи да вздохи о свойствах какого-то мира, иного, не нашего; я наблюдал, как он гулко расхаживал взад и вперед, повисая косматой своей головой как-то горько и терпко, свисая направо и глядя на ровные полки коричневых корешков исподлобья, как будто он делал им смотр; с карандашиком правую руку всегда прижимал он к груди, бросив в воздух махавшую левую руку и два оттопыривал пальца на фоне обой шоколадного цвета; и вдруг начинал он так мягко сиять добротой, когда контуры нового исчисления «эф, икс» перед ним восставали; о нем сообщали в Сорбонне; о нем математик французский Дарбу обменялся уже впечатлением с папочкой, а Чебышев — содрогался.

Я знаю, что тут развелись скорпионы — не злые, а книжные; папа мне раз показал скорпиона, перехвативши меня, проходившего мимо; прижал меня к шкафу; и, открывая огромный и пахнущий фолиант: том Лагранжа, подставил его мне под нос; показал скорпионика, очень довольный событием этим.

— Ти-ти... Ти-ти-ти! — приговаривал он, догоняя его на странице Лагранжа большим указательным пальцем.

— Ти-ти, — и лицо засморчилось морщинками — юмористически, чуть саркастически, но добродушно и радостно:

— Ах ты, смотри-ка: ведь ползает, ползает шельма!

И, мне подморгнувши татарскими глазками, он произнес с уважительным шопотом.

— Знаешь ли, Котенька, он поедает микробов: полезная бестия.

— Да!

Скорпиончика я рассмотрел на странице Лагранжа; он — маленький, ползает, уничтожает микробов; полезная шельма! А папа, захлопнув полезную шельму, убрал ее в шкаф; и — запахло антоновкой.

Раз в год, облакаясь в халат, подымал столбы пыли он грязною тряпкой, чихая и кашляя; тут он сносил, что не нужно, в кофейного цвета шкафы, наполнявшие и расширение коридора, пытаясь шкафами ввалиться к нам в детскую и запрудить вовсе выход: закупорить книгами нас; и порой отправлялся с Дуняшей и дворником он в кладовую, снося весь излишек скопившихся масс; но Антон, дворник наш, подобравши ключи к кладовой и вступив в соглашение с жуликом, книги вытаскивал; книгами папы еще после смерти его торговали в Москве букинисты.

— Да, да.

На шкафах поднялись многогорбые, книжные груды, завешанные зеленой материей — пыльной, как все; среди них помещалась кровать, скрипучая, с жестким матрациком и с одеяльцем такого ж, как все, шоколадного цвета; торчали две туфли и множество серых от пыли сапог,

поражая меня рыжевато-нечищенным видом своих голенищ, — среди гирь — поднимаемых папой с натугою:

— Раз!

— Два!

— Шестнадцать!

Шкафы умножались; а новые ставились, в грустных годах обрастая кровать, образуя средь комнаты комнату с узким проходом, куда удалялся наш папа: полеживать с книгой.

— Бывало: пойдешь и увидишь: в градации мягких тонов шоколадного, серо-кофейного, серого, серо-зеленого цвета лежит на постели с очками на лбу, закрывая глаза, уронивши на грудь утомленную руку; как-то бессильно другая рука повисает с постели; лежит посеревший и бледный, в морщинках; и кажется тут он старше, чем следует.

И думаешь:

— Папочка...

Или: — увидишь: раздетый лежит на боку, подоткнувшись, поджавши колени и вырисовываясь изогнутым телом; под одеяло ушла голова; только выставлен нос да кусок бороды; и — скажешь:

— Чай подали, папа!

Привскочит: сидит на постели, глаза кулаками усиленно трет, суетится, дрожа над очками:

— Ах, ах-с!

Да, настырная книга грозила гостиной; как будто совсем невзначай, угнетенный обвалами книг, папа выдумал выставить книжную полочку: прямо в гостиную. Ай ли, что тут было!